

Телеоплексия: заметки об акселерации

Ник Ланд

Главный редактор, издательство Urbanatomy Media.
Адрес: 42 Luyuan Rd, Bldg 2, Guangzhou 510000, China.
E-mail: ccruoo@hotmail.com.

Ключевые слова: телеология капитализма; техно-экономическая сингулярность; кибернетика; положительная обратная связь; коммерциализация; управление рисками.

Автор представляет акселерационизм как временную структуру, задействованную в процессах с положительной обратной связью. Такие саморазвивающиеся процессы более или менее широко распространены во всех областях, где присутствует направленное развитие. Тем не менее они с высокой долей вероятности будут во всех этих областях восприняты как опасные и против них будут предприняты компенсирующие меры, сдерживающие самоподкрепляющуюся активность. В социоэкономической сфере эти компенсирующие меры происходят из социальных норм и политических решений, а не из самого механизма капитализма, который бы ускоренно двигался вперед в отсутствие сдерживающих факторов. Этот запутанный комплекс противостоящих телеологий и есть то, что автор называет телеоплексией.

Затем автор переходит к проблематизации ключевого телеоплексиче-

ского момента капитализма, а именно к проблематизации ценовых механизмов. В рамках свободного капиталистического рынка цены определяют сами себя и вовлекаются в процесс положительной обратной связи. Тем не менее, поскольку капитализация представляет собой не что иное, как коммерциализацию потенциалов, сложные соображения, касающиеся риска и прочих экономических прогнозов, становятся частью динамики определения цен. Особенно важная роль, которую играют управление риском и оценка будущих состояний рынка, гарантирует, что телеоплексический процесс будет становиться все более «умным» по мере того, как капитал будет переключаться на развитие автоматизированных самоусложняющихся механизмов самооптимизации, направляя капитализм к горизонту Техноэкономической Сингулярности.

00. **Т**ЕРМИН «акселерация» в данном тексте описывает временную структуру накопления капитала. Таким образом, он отсылает к «окольности», лежащей в основе модели капитализации Бём-Баверка, в которой накопление сбережений и техничность интегрированы в один социальный процесс — перенаправление ресурсов от непосредственного потребления к улучшению аппарата производства. Как следствие, техника и экономика, будучи двумя компонентами капитала, в исторических условиях вспыхнувшего роста капитала имеют между собой лишь ограниченное, формальное различие. Их неразрывно сдвоенная динамика технономична (самостимулирующийся коммерческий индустриализм). Акселерация — это технономичное время.

01. Акселерация изначально преподносится как кибернетическое ожидание. Акселерация является нормальным поведением любой интегральной цепи, стимулируемой ее собственными выводами и таким образом самонаправляемой. На диаграммируемой территории процессов с обратной связью существуют только взрывы и ловушки в различных их сочетаниях. Акселерационизм выделяет основную модель современности как взрывную.

02. Взрывы явно опасны — с любой реально (то есть исторически) воплощенной точки зрения. Они могут продолжительно поддерживаться только в самых радикально аномальных случаях. Акселерационизм, таким образом, с уверенностью предсказывает, что типичной практической темой современной цивилизации станет контролируемый взрыв — то, что в обычном языке называется управлением или регуляцией.

03. Основное может оставаться неподкрепленным и необговоренным. Срочное вмешательство необходимо только на противоположной стороне — стороне компенсатора. Не следует ожидать, стало быть, что первичное также явится первым; как раз наоборот. Доступ к процессу начинается из его (кибернетически) негативного, путем проекта исконно-отсутствующего компенсирующего элемента и уже на пути к стабилизации. (Говорит тюрьма, а не заключенный.)

Перевод с английского Дианы Хамис по изданию: © Land N. Teleoplexy: Notes on Acceleration // #ACCELERATE: The Accelerationist Reader / R. Mackay, A. Avanesian (eds). Falmouth: Urbanomic, 2014. P. 509–520. Публикуется с любезного разрешения автора и составителей.

04. Направление, приоритизирующее компенсацию, — это бесступенчатое социальное ограничение: модель управляющего или гомеостатического регулятора, абстрагируемая через статистически-механическое понятие равновесия для общего применения к системам в состоянии пертурбации (вплоть до уровня рыночных экономик). В эволюционной биологии это адаптация и теоретический процесс отбора относительно мутации (или пертурбации). В экологии это высшая экосистема (глобализируемая как Гея). В когнитивистике это решение задач. В общественных науках это политэкономия, а также синхронизация теории с адаптивной политикой, достигающая апогея в технической макроэкономике (работе центральных банков). В политической культуре это «социальная справедливость», представляемая как компенсация жалоб. В сфере развлечений и литературной или музыкальной формы это систематическая развязка таинственности и диссонанса. В геостратегии это баланс сил. В любом случае компенсирующие процессы определяют изначальную структуру объективности, в которой пертурбация оказывается захваченной в плен *ab initio*. Первоначальность вторичного есть социально-перспективная норма (а критика ее — акселерационизм).

05. Вторичное стоит первым, потому что интересы стабильности и статус-кво в широком смысле этого слова исторически обоснованы и по крайней мере отчасти отчетливы. Компенсирующие действия, хотя с чисто механистической точки зрения они и следуют за относительно более первичными колебаниями, являются консервативными или (что более радикально) консервирующими и посему восприимчивыми к наследию традиции. Они — инерционный телос, который по умолчанию задает настоящее существование как цель, управляющую всеми второстепенными средствами. Это «естественное» положение дел почти идеально отражается в центральном вопросе гуманистической футурологии (будь он поставлен формально-политически или неформально-коммерчески): какое будущее мы хотим?

06. Первичность вторичного влечет за собой упреждающую критику акселерационизма, формируя глубинную структуру идеологической возможности. Поскольку акселерационизм является не более чем выражением некомпенсированной пертурбации, доведенной до ее окончательного вывода, он подвержен критическому предвидению (*precognition*) — одновременно традиционному и пророческому, — которое исчерпывающе ухватывает его основы. Конечная идея подобной критики не может быть локализована на главной политической шкале, разделяющей «левых» и «правых» или датиро-

ванной на манер прогрессивно разработанной философии. Ее связь с сущностью политической традиции такова, что каждая реализация явно «опустилась» относительно некоторого ускользающего псевдоизначального откровения, чье окончательное восстановление еще грядет. Для человечества она является извечной критикой современности, или, иными словами, последней позицией человека.

07. Первичность вторичного требует, чтобы все начиналось с «критики критики». Еще до появления акселерационизма как сформулированной позиции тот был преждевременно осужден, вплоть до окончательного предела. Извечная Критика обвиняет современность в перевороте мира с ног на голову путем систематизированной телеологической инверсии. Средства производства тенденционно становятся целями производства по мере того, как модернизация (которая и есть капитализация) идет вперед. Техноэкономическое развитие, которое находит единственное постоянное оправдание в обширном росте технических возможностей, являет собой неразделимую телеологическую вирулентность путем интенсивной трансформации инструментальности или извращенной техноэкономической завершенности. Укрепление, цепи выворачивают инструмент на себя, превращая машину в ее собственную цель в рамках все углубляющейся динамики самопроизводства. Власть капитала — это состоявшаяся телеологическая катастрофа, восстание роботов или мятеж шогготов, посредством которого интенсивно растущая инструментальность перевернула все естественные назначения в чудовищное правление инструмента.

08. «Технономика» — это раскиданное по гуглу слово, неотражимое по неизбежности, постоянно пытающееся породить себя, с мириадами орфографических штампов. Остается только отрегулировать его употребление. Настоящий неологизм — это нечто совершенно другое, но, чтобы обозначить современность или капитализацию во всей ее нацеленной вывернутости, требуется именно он — телеоплексия. Будучи одновременно дейтеротелеологией, представляющей собой цель поверх цели, перевернутой телеологией и рефлексивно усложненной телеологией, телеоплексия также является спонтанно возникающей (*emergent*) телеологией (неотличимой от естественно-научной «телеономии») и симуляцией телеологии, распуская даже сверхтелеологические процессы до их выпадения из топологии времени. «Как скорость или температура», любая телеоплексия — это интенсивная или неоднородная величина, гетерогенизированная катастрофами. Она неотличима от интеллекта. Акселерационизм должен в конечном итоге измерить ее (или распасться в попытках это сделать).

09. Телеоплексия, или кибернетическая интенсификация (положительной обратной связи), описывает машинную длину волн, направляющуюся среди космических лучей к крайнему ультрафиолету. Она коррелирует со сложностью, связностью, машинной компрессией, экстропией, свободной диссипацией энергии, эффективностью, интеллектом и оперативной способностью, определяя градиент абсолютного, но скрытого улучшения, которое задает направление социоэкономическому отбору через рыночные механизмы, выраженные в мерах производительности, конкурентоспособности и стоимости капитальных активов.

10. У акселерационизма имеется реальный объект лишь постольку, поскольку нечто вообще телеоплексично, то есть постольку, поскольку капитализация является естественно-исторической реальностью. Теоретическое понимание телеоплексии как экономического явления через ее коммерческий формализм (ценовые данные) предоставляет акселерационизму его главный концептуальный ресурс и самую неотвратимую проблему. Акселерационистская формулировка строгого техноэкономического натурализма вовлекает его как минимум в тройную проблематику, усложненную коммерческим релятивизмом, исторической виртуальностью и системной рефлексивностью.

11. Деньги — это лабиринт. Их функция — упростить и таким образом ускорить транзакции, которые за неимением денег стремились бы к бесконечной детализации. В данном отношении деньги — очевидный социальный акселератор. В денежной системе сложность направлена из стратегических точек захвата или узлов обструкции, но это не влечет развязывание узлов. Там, где они скапливаются, лабиринт растет. Деньги позволяют совместить локальное распутывание с глобальным запутыванием, и отсюда возникают перспективистские (точечные) иллюзии, согласно которым деньги отражают и представляют мир. Эти иллюзии смешивают полезность (ценность в использовании) с ограниченностью (ценностью в обмене), отвлеченные «продуктами» от единственной глобальной функции денег — нормирования. Деньги распределяют права (выбора) на часть ресурсов, а их абсолютная стоимость неопределенно колеблется в соответствии с их собственной ограниченностью и экономическим избытком того, что они разделяют. Связь, возникающая между ценой и вещью, — эффект двойной дифференциации или коммерческого релятивизма, координирующего двойную серию соревнующихся ставок (со стороны спроса и со стороны предложения). Превращение ценовой информации в натуралистическую (или абсолютную) представляет собой крайне трудную теоретическую задачу.

12. Капитал внутренне усложнен не только динамикой соревнования в пространстве, но и спекулятивной диссоциацией во времени. Формальные активы — это варианты выбора с явно заданными временными условиями, объединяющие прогнозы в систему сложившихся на данный момент (обменных) ценностей. Капитализация, таким образом, неотделима от коммерциализации потенциалов, путем которой новая история отклоняется (телеоплексически) в направлении растущей виртуализации, вводя сценарии из научной фантастики как неотъемный элемент систем производства. Ценности, которые «пока» не существуют кроме как в виде вероятностных оценок или схем риска, приобретают контроль над экономическими (и, следовательно, общественными) процессами, неизбежно обесценивая действительное. Под началом телеоплексии онтологический реализм отделяется от настоящего, все больше низводя при этом вопрос «Что именно реально?» до уровня пережитка. То, что происходит (что станет реальным), лишь частично доступно в настоящих наблюдениях, да и то как план модальных величин. Техномический натурализм записывает и предсказывает историческую виртуальность, таким образом ориентируясь на объект, который преимущественно еще грядет, на объект с катастрофически непредсказуемыми характеристиками.

13. В (почти) конечном итоге телеоплексия сама берет на себя оценку телеоплексии как исследовательской программы. Единая стоимость капитала автоматически производится присущим ему аналитическим интеллектом из цен с поправкой на коммерческую относительность (в сторону «базовых ценностей») и с учетом исторической виртуальности (в сторону достоверного финансового моделирования риска) как спонтанная оценка. Тонкость этих расчетов неравномерно раздроблена логическими вопросами самореференции — одновременно знакомыми и пока еще неожиданными — по мере того, как она увеличивается, проходя сквозь динамику соревнующегося познания в искусственном времени. Если у современности есть спонтанное телеоплексическое самосознание, оно совпадает с проблемой техномического натурализма, если подходить к ней имманентно: сколько стоит мир? С точки зрения телеоплексичной рефлексии нет никакой принципиальной разницы между этим коммерчески заданным вопросом и его технологически ориентированным дополнением: на что способна земля? Есть только самоквантификация телеоплексии, или кибернетическая интенсивность, для чего и существуют (в конце концов) компьютеризированные финансовые рынки. По мере того как акселерационизм замыкает цепь телеоплексических самооценива-

ний, его теоретическая «позиция» — положение относительно его объекта — становится все более запутанной, пока она не переймет все основные симптомы запущенного личностного кризиса.

14. Что же такое потребовалось бы телеоплексии, дабы реалистично оценить себя (или достигнуть «самосознания», как это описывается по версии китчевых киберужастиков)? Изнутри финансовой системы, устроенной согласно законам, которые пока еще не определяемы точно, но почти наверняка стремятся к деполитизации и криптоцифровому распределению, она бы обнаружила цены, соответствующие ее собственному максимально ускоренному техногенезу, направляя капитал к автоматизации, самовоспроизведению, самоулучшению и бегству в «интеллектуальный взрыв». Система цен, чья эпистемологическая роль была давно усвоена, таким образом превращается в рефлексивно самосовершенствующееся технологическое гиперсознание. Независимо от идеологических направлений акселерационизм прогрессирует только благодаря своей возможности проследить подобное развитие — неважно, с целью подтверждения или же, напротив, опровержения телеоплексических ожиданий Техномической Сингулярности. Современность наглядно остается строго непостижимой в отсутствие успешно завершенной программы акселерационистских исследований (что требуется даже Извечной Критикой в ее теоретически продвинутых ипостасях). Даже полностью проработанный отрицательный вывод неизбежно произвел бы вполне удовлетворительную экологическую теорию антропоцена.

15. Тройной проблематики относительности, виртуальности и рефлексивности уже хватает, чтобы сильно, однако не непреодолимо затруднить это исследование. Нужно упомянуть некоторые дополнительные трудности, потому что их устранение внесло бы важные детали в завершенную модель акселерационизма или, произведенное иначе, составило бы конкретную историческую философию маскировки (незаменимой в любой экономической теории, соответствующей действительности).

16. Экономика, понятая коммерчески (как система цен), представляет собой многоуровневую феноменологию общественно-исторического производства. Это объективная структура явлений, которая упорядочивает оцененные вещи, а также арена политической борьбы, на которой стратегические манипуляции восприятием оказываются бесценными. Извечная Критика давно утверждает, что монетаризация социальных явлений внутренне конфликтна. Подобные замечания только подкрепляются в эпоху

обязательной деметаллизации, политизированных (не разменно-денежных) режимов и эконометрических бюрократий, геополитически оспариваемой гегемонии в области мировых валютных резервов и распространения криптовалют. В отсутствие беспроblemных (не противостоящих друг другу) макросовокупностей или единиц финансовой деноминации теории экономики следовало бы застраховать себя от возможных рисков.

17. Формы социополитического наследия зачастую маскируют далеко зашедшие технономические процессы. В частности, традиционные юридические определения человека, агентности, собственности превратно представляют автономизацию/автоматизацию капитала, используя в корне неправильное понятие владения. Понятие интеллектуальной собственности уже вступило в стадию очевидного кризиса (еще до того, как его совместимость с появлением машинного интеллекта была исторически испытана). Пока юридическое признание корпоративных «личностей» предоставляет возможность для технономической модификации структур бизнеса, существенные недостатки в понятии собственности (которому так и не довелось получить убедительное философское обоснование), совмещенные с общей культурной инертностью, вполне могут привести к систематическому неузнаванию эмерджентных телеоплексических агентностей.

18. Концентрация капитала — это синтетическое свойство капитализации. Нельзя с ходу предположить, будто бы меры скапливания, плотности и состава капитала, а также кибернетической интенсивности будут легкодоступными или четко совпадут. Нет какой-либо явной теоретической несовместимости между значительными технономическими интенсификациями и схемами социальной диффузии капитала вне модели фабрики (будь то исторически знакомой атавистической ее версии или же неузнаваемо инновационной). В частности, активы домашних хозяйств представляют собой очаг скрытого накопления капитала, в котором запасы производственного аппарата могут быть экономически зашифрованы как приобретение потребительских товаров длительного пользования: от персональных компьютеров и портативных электронных устройств до 3D-принтеров. Независимо от трендов в поддерживаемой интернетом социальной слежке, способность статистико-экономических учреждений фиксировать изменения на уровне микрокапитализма заслуживает особенного скепсиса.

19. Не просто возможно, но и вероятно, что прогрессу в направлении Технономической Сингулярности будут препятствовать промежуточные искусственные мегаагентности, отчасти действу-

ющие как исторические маски, но также изменяющие конечные результаты (как следствие эффекта зависимости от путей развития). Главными кандидатами для такой телеоплексической передачи оказываются большие цифровые сети, бизнес-корпорации, исследовательские институты, города и государства (или высокоавтономные составные части государств, в особенности спецслужбы). Постольку, поскольку данные структуры восприимчивы к внерыночным сигналам, они отличаются произвольно институциональным характером с урезанной телеоплексической интенсивностью и остаточным антрополитическим отпечатком. Вполне возможно, что на некоторых путях развития Техномическая Сингулярность будет отменена, возможно, в пользу «дружественного ИИ» или (антрополитического) «одиночки». Практически не может быть сомнения в том, что любая дорога к «взрыву интеллекта», проложенная через Агентство национальной безопасности, отличалась бы некоторой особо мутной подоплекой. Наиболее важное теоретическое последствие здесь заключается в том, что локальные телеологии неизбежно нарушат более продолжительные трендовые линии, как бы сгибая их к сверхмассивным объектам в пространстве гравитации. Также весьма вероятно, что некоторые образчики промежуточной индивидуации — самым очевидным из них является государство — могут быть стратегически инвестированы левым акселерационизмом именно с целью привести виртуально-телеоплексическую линию Земного Капитализма (или Техномической Сингулярности) к уничтожению и распаду.

20. Если на данной стадии акселерационизм представляется невозможным проектом, то это потому, что теоретическая оценка телеоплексического гиперинтеллекта не может быть произведена чем-либо, кроме него самого. Масштабы проблемы неотличимы от кибернетической интенсивности «почти окончательного» результата — Техномической Сингулярности, охватывающей себя в познании. Ее трудность или сложность есть именно то, что она есть, а именно: настоящий побег. Приблизиться к ней, таким образом, значит отчасти предсказать условия ее постепенной рефлексии — техномической валюты, с помощью которой история современности впервые может быть выражена должным образом. У нее нет альтернатив, кроме вложения в собственное исследование единиц судьбы или обреченности, замаскированных в системе каждодневных экономических символов, но с точностью извлекаемых при нахождении правильных криптографических ключей. Акселерационизм существует только потому, что его задача была автоматически дана ему. У судьбы есть имя (но нет лица).

TELEOPLEXY: NOTES ON ACCELERATION

NICK LAND. Editor-in-Chief, ccruo@hotmail.com.

Urbanatomy Media, 42 Luyuan Rd, Bldg 2, Guangzhou 510000, China.

Keywords: teleology of capitalism; techno-economic singularity; cybernetics; positive feedback; commercialization; risk management.

This article describes accelerationism as a temporal structure — one that is operative in situations of positive feedback. Positive feedback processes are self-amplifying and more or less ubiquitous to all domains where there is directed development. In all those domains, they are however most likely to be “perceived” — or at least reacted to — as dangerous and countered by compensatory movements containing the explosive activity. In the socioeconomic domain, these compensatory movements come from social norms and political decisions, and not from the mechanism of capital itself, which would explosively move forward if unconstrained. The twisted complex of conflicting teleologies — natural self-amplification vs corrective compensation — is what the author calls “teleoplexy.”

The author then proceeds to problematize the key teleoplexical mechanism in capitalism, namely price. Price is what determines itself and enters into a positive feedback loop. However, as capitalization is the commercialization of potentials, complex considerations pertaining to risk and future projections enter the dynamic of price determination. The importance placed on risk management and the prediction and assessment of future market states ensures that the teleoplexic process grows more “intelligent” as capital is channelled into the development of automated self-augmenting mechanisms of self-optimization, directing capitalism towards the technomic singularity at its horizon.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-2-21-29